

НАШ ОСТРОВСКИЙ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ДРАМАТУРГА

Театр — давнее увлечение Б. Д. Казанцева, рабочего-ветерана Второго московского часового завода. В эти юбилейные для театрального искусства дни самодеятельный актер готовится к премьере спектакля по пьесе А. Н. Островского «Воспитанница».

Борис Дмитриевич рассказывает:

Мне уже восемьдесят. Даже с лишком. Мне уже можно сказать «жил-был». Так вот, жил-был я в Замоскворечье, на Пятницкой улице, бегал в школу на Якиманку. Бегал через переулок, в котором давно заметил двухэтажный дом с мемориальной доской, на которой стояло имя Александра Николаевича Островского.

В Замоскворечье раньше жили все больше купцы, мещане. Нашими соседями, например, была купеческая семья. Богатый такой, безвкусный дом. Позже я уже понял: не надо было драматургу искать своих героев где-то вдали от дома. Они были тут, под боком.

Вторая встреча с Островским произошла в 1919 году, на гражданской войне. Служил я в запасном батальоне 294-й дивизии пятой армии, на Восточном фронте.

Раздобыл как-то пачку бумаги, цветные карандаши и стал потихоньку рисовать. Любил это дело с детства.

Заметил мои художества командир, говорит:

— Раз есть у тебя любовь к искусству, надо, чтобы служила эта любовь делу революции. Организуй драмкружок. Даю месяц срока, чтобы спектакль поставить какой-нибудь.

Приказ есть приказ. Бросил клич, набрал драмкружок. У кого-то книжка нашлась — «Пьесы Александра Николаевича Островского». Прочли мы их от корки до корки, спорим, какую ставить.

Решили голосованием — «Горячее сердце». Название понравилось — созвучное со временем. Кроме того, уж очень беспощадно обрисовал автор буржуазию и ее пороки.

На репетициях я так и говорил:

— Ну что ты раскисший такой? Послушай Островского, учись у него злости. Ведь мы должны показать казнокрадство, взяточничество, продажность проклятой буржуазии.

И бойцы честно показывали.

А между репетициями бегал я по соседним деревням в поисках реквизита и «театральных» костюмов.

Тогда в «Горячем сердце» сыграл я свою первую роль — хорошего человека, человека труда Аристарха. Сыграл неожиданно. Потому что никто не ожидал, что за два дня до спектакля пошлют батальон в бой с беляками, что не вернутся из него многие ребята. В том числе рыжий буян Вася — Аристарх...

Сажу на днях я на лавочке, греюсь на солнышке

на Тверском бульваре. Рядом две молодые мамы с колясками. Ну, невольно слышу, о чем у них разговор. Само собой — о детях.

— Ничего не пожалей для сына, — говорит одна, — репетиторов найму, иностранным языкам обучу, играть на пианино он у меня будет, в школу фигурного катания отдам.

Грустно стало мне от таких, казалось бы, благих намерений. Послышалась какая-то мещанская жадность. Услышал я голос правнучки этой Мурзавецкой из «Волков и овец». И подумал: нет, Островский — не только зеркало прошлого. Он и сегодня нужен, хотя бы для таких родителей. Да что там говорить: Островский не устареет никогда.

Отвлекся я. Кончилась гражданская война, началась мирная жизнь. Нет, не тогда занялся я всерьез самодеятельностью. Это потом. А тогда, в тридцатые годы, помню, главной заботой было попасть после работы в театры — Малый или Большой.

Запоем читал. Мало-помалу набралась библиотека из одной большой книжной полки. Рядом стояли Маяковский, Гончаров, Пушкин, Герцен, Гладков.

Вот тогда по-настоящему и познакомился я с Островским. Какая все-таки замечательная жизнь! Какой крепкой души человек! Самые первые его пьесы «Картина семейного счастья», «Свои люди — сочтемся» были запрещены. Самому царю не понравились! Но свет не без добрых, умных людей. Некрасов, Чернышевский, Добролюбов — вот кто спас для нас талант Островского. Словом и делом помогли они писателю. И он не остался в долгу — написал «Грозу», «Лес», «Весприданницу»...

Все его пьесы прочел я в те годы. Знаете, чем особенно восхищался? Славным, чистым русским языком. Его богатством.

Больше чем кто-либо из других писателей Островский научил меня бережно относиться к русскому языку.

...Так вот и шла жизнь. Просто и хорошо. Днем — на заводе, вечером — за книгой или на галерке в театре. А потом началась война. Великая Отечественная. Ушли мы на фронт с сыном, а вернулся я один.

Сколько лет я в самодеятельном театре? И не подсчитаю точно. Во всяком случае вскоре после войны, как только пошел работать на завод, сразу же записался в драмкружок. Жил я тогда,

как и сейчас, в Кунцево и ходил потому в клуб не по месту работы, а по месту жительства — в «Заветы Ильича». А когда наш руководитель Валентин Александрович Закаржевский перешел в дом культуры строителей «Созидатель», попросился и я вместе с ним.

На мой взгляд, главное в любительском театре не количество постановок и не то, даже, как ты сыграл, к примеру, в «Талантах и поклонниках». Наверное, надо еще знать, что Островский продолжал традиции народного театра. Что написал замечательную статью о Лопе де Вега, произнес историческую речь о Пушкине. Много надо знать... Для меня самодеятельный театр — точка соприкосновения с искусством, мудростью.

В «Созидателе» участвовал я в «Талантах и поклонниках», сейчас вот ставим «Воспитанницу». Как готовлюсь я к роли, нет резона рассказывать. Трудно подобрать слова верные. А вот если спросите, что радует меня в «самодеятельной» работе над Островским, отвечу непременно.

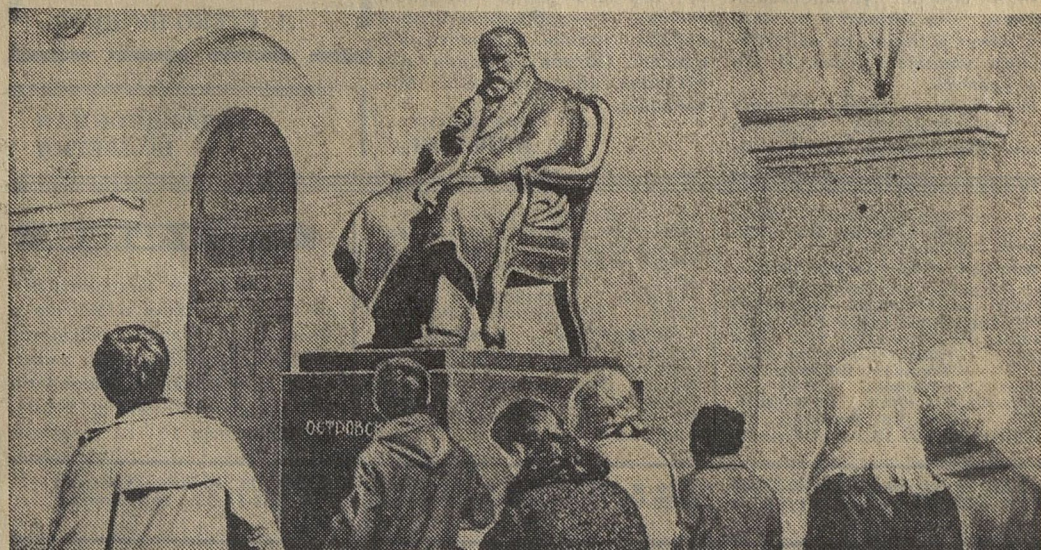
Ведь совсем не случайно, что именно Островский стал «пробным» камнем на любительской сцене. Попробуйте в новом драмколлективе начать с какой-нибудь, пусть даже неплохой современной пьесы... В настоящем театре «вывезет» опыт. А здесь его нет. Нужна школа. И вот так получилось, что для всех — профессионалов и любителей — Островский стал школой театра. Галерей характеров. Историей быта и нравов. Новичок, придя на любительскую сцену, прямо-таки захлебывается в эмоциях, которые щедро предлагает ему великий драматург.

Двадцать первый век заглядывает в окно, а слава Островского не меркнет. И пока свет стоит, будет она приумножаться...

Радуюсь я, когда вижу, с каким жаром и озорством (как когда-то мы, молодые бойцы молодой Красной Армии) играют сегодня героев Островского мои внуки.

Сердце у меня замирает, когда смотрю я на игру больших актеров — Малого театра, МХАТа, влюбленных в Островского. Здесь я видел Яблочкину, Зеркалову, Цареву, Пашенную, Массальского, Качалова, Москвина, Тарасову...

В канун праздника русского искусства — дня рождения Островского — ходили мы всем драмкружком в Малый на «Бешеные деньги». Возвращался я после спектакля домой, к себе в Кунцево, и думал о человеке, родившемся полтора века назад, научившем нас, потомков, сильнее любить, острее чувствовать, громче негодовать, веселее смеяться, чем могли бы мы это сделать без него...



Москва. У памятника А. Н. Островскому.

Фото В. Климова («Социалистическая индустрия»)